

УДК 342.41

Юридическое качество Конституции Российской Федерации

Д.А. Авдеев,

кандидат юридических наук,

доцент кафедры конституционного и муниципального права

Института государства и права Тюменского государственного университета

Россия, Тюмень

ronner@mail.ru

Рассматривается юридическое качество Конституции Российской Федерации, анализируются ее положения с позиции юридической техники. Исследуются особенности закрепления некоторых формулировок и конструкций в тексте Конституции Российской Федерации, выявляются некоторые неточности содержательного и формально-юридического характера в ряде ее норм и положений. Обобщается конституционно-правовой опыт и практика применения Конституции Российской Федерации с момента ее принятия по настоящее время. Анализируются признаки Российского государства как правового, демократического, федеративного с республиканской формой правления, особенности закрепления принципа разделения властей, а также развития демократии и федерализма в России, на основе чего делаются выводы и формулируются предложения.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, принцип разделения властей, республика, государственная власть, форма правления, демократия, федеративное устройство.

Вот уже более 20 лет прошло со дня принятия пятой российской конституции, опыт применения которой получил неоднозначные оценки политических экспертов и ученых-юристов. Мнения, которые при этом высказываются, колеблются от сохранения неизменности конституционного текста до полного пересмотра Конституции Российской Федерации 1993 года (далее — Конституция) и принятия нового Основного Закона. Не являясь сторонниками подобного рода крайностей, полагаем, однако, что если существует продиктованная объективными причинами необходимость в соответствующих изменениях конституционного текста, то такие изменения должны быть внесены.

Думается, в вопросах, касающихся изменения положений Конституции, следует прежде всего соблюдать три основных условия. Необходимо, во-первых, выявить действительную потребность, обусловленную социально-экономическими и политико-правовыми условиями жизнедеятельности общества, во-вторых, обосновать с правовых позиций потребность в принятии таких изменений, в-третьих, определить их долгосрочность и перспективность. Нельзя допускать внесение в Конституцию поправок, имеющих сугубо политический характер и направленных на достижение целей, результатом которых может стать итог очередной борьбы между различными политическими элитами. Любые инициативы о внесении поправок должны отвечать не только формально установленной процедуре, но и веянию времени. Представляется также вполне логичным проводить научную экспертизу предлагаемых проектов конституционных изменений и

давать правовую оценку им, а также последствиям, которые могут возникнуть после их вступления в силу.

С момента принятия Конституции прошло достаточно времени для того, чтобы сделать определенные выводы и подвести некоторые итоги, результатом которых могли бы стать исправления конституционного текста. Ведь, с точки зрения юридической техники, отдельные положения Конституции несовершенно и требуют корректировки. Изменения в Основном Законе можно условно поделить на две группы. К первой группе относятся поправки юридико-технического и формально-логического характера. Вторую группу образуют изменения, касающиеся содержательной части конституционного текста. В данном случае речь идет о сущностно-смысловой стороне конституционных норм и положений. Безусловно, при изменении содержательной части конституционного текста следует соблюдать предельную, «хирургическую» осторожность. Поэтому все предлагаемые поправки должны быть согласованы не только между собой, но и с иными положениями Конституции и не должны нарушать целостность и внутреннюю логику ее содержания.

Изменения Конституции редакционного (формально-логического) характера. Рассмотрим конституционные положения первой группы, к числу которых, по нашему мнению, можно отнести следующие:

1. Как известно, Конституция состоит из двух разделов. Если раздел второй имеет название «Заключительные и переходные положения», то раздел первый остался без наименования. Полагаем, что подобное упущение недопу-

стимо при определении структуры Основного Закона.

2. Что же касается названий глав, образующих безымянный раздел первый, то здесь есть некоторые неточности. Среди глав, устанавливающих конституционно-правовой статус высших органов государственной власти, заметно выделяется глава 7, которая до недавнего времени именовалась «Судебная власть». В данной главе была статья 129, посвященная конституционным основам деятельности прокуратуры. Можно предположить, что органы прокуратуры являются составной частью судебной власти в Российской Федерации или, по крайней мере, ее структурным элементом, что, конечно же, не соответствует действительности. В 2014 г. в Конституцию были внесены поправки, и глава 7 получила новое название — «Судебная власть и прокуратура» [2].

Небезынтересно, что ни одна из предыдущих глав не носит названия, корреспондирующего с той или иной ветвью власти. С одной стороны, если в Конституции имеется глава «Судебная власть», то, соответственно, должны быть как минимум еще две главы — «Законодательная власть» и «Исполнительная власть». С другой стороны, если главы называются «Президент Российской Федерации», «Федеральное Собрание» и «Правительство Российской Федерации», то глава 7 должна иметь название «Суды в Российской Федерации» или «Судебная система Российской Федерации».

3. Обращает на себя внимание, что в названии главы 5, посвященной высшему законодательному и представительному органу — парламенту, отсутствует словосочетание «Российской Федерации», как это имеет место в названиях глав 4 и 6, посвященных соответственно Президенту и Правительству.

4. Можно привести случаи, когда нормы Конституции расположены не в своих главах. Таким примером некорректной юридической прописки служит статья 6, которая устанавливает принципы российского гражданства и по непонятным причинам затерялась в главе 1 «Основы конституционного строя», хотя логичнее было бы видеть ее в главе 2, посвященной правам и свободам человека и гражданина.

5. Первая глава Конституции завершается статьей 16, которая также небыстречна. По нашему мнению, норма ч. 1 ст. 16 Конституции, в которой говорится, что положения настоящей главы составляют основы конституционного строя Российской Федерации, лишь конституирует то, что очевидно.

Более того, ч. 2 ст. 16 «Основы конституционного строя» определяет, что никакие другие положения Конституции не могут про-

тиворечить основам конституционного строя. Из этого следует, что положения главы 1 Конституции обладают юридическим приоритетом перед остальными главами, что в целом выглядит не совсем логично. Видимо, по этой причине главу 1 называют «малой Конституцией».

Конституция представляет собой однородную качественную правовую материю, обладающую свойствами, которые характерны для нее как цельного документа. И никакие конституционные положения не могут иметь юридический приоритет по сравнению с другими, ибо это противоречит самой природе Конституции как организационно-юридического акта.

Полагаем, что обе части статьи 16 являются примером юридической тавтологии. Ни у кого наверняка не возникнет сомнения, что в главе «Основы конституционного строя» содержатся положения, составляющие основы конституционного строя.

Изменения содержательной части Конституции. Ко второй группе следует отнести изменения, которые касаются, как говорилось выше, содержательной части конституционного текста и требуют более пристального внимания при их внесении.

1. Равноправие субъектов Российской Федерации. Нельзя не согласиться с Г.Н. Чеботаревым, утверждающим, что «равноправие субъектов Российской Федерации, провозглашенное в ч. 4 ст. 5 Конституции, по содержанию шире, чем равноправие во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти. Равноправие субъектов должно включать и их равноправие во взаимоотношениях с федеральными властями». Но в Конституции подчеркивается, что субъекты равноправны во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти. Следовательно, можно говорить лишь об относительном характере равенства «правомочий субъектов, которые они реализуют в собственной деятельности по вопросам своей исключительной компетенции». Анализируя статью 66 Конституции, Г.Н. Чеботарев заключает, что статус равноправных субъектов Федерации, закрепляемый различными по своей юридической силе нормативными правовыми актами — Конституцией, федеральным законом, уставом, — свидетельствует о возможных различиях объема прав и обязанностей у субъектов Федерации в решении внутренних проблем [14, с. 9].

Более того, провозглашая равноправие субъектов Российской Федерации, некоторые другие положения Конституции отходят от этого принципа. Можно назвать несколько юридических прерогатив, которые дают некий

приоритет в статусе республик по сравнению с остальными видами субъектов Федерации. Так, во-первых, только республики в отличие от других субъектов Российской Федерации вправе самостоятельно устанавливать собственный государственный язык (ч. 2 ст. 68). Во-вторых, только республики в силу своего особого статуса могут принимать конституцию, остальные же субъекты принимают устав. В-третьих, республики вправе принимать свою конституцию любым не запрещенным законом способом (на референдуме, законодательным (представительным) или учредительным органами), остальные же субъекты Федерации принимают свой устав только законодательным (представительным) органом соответствующего субъекта Федерации (ч. 2 ст. 66). Нельзя не сказать, что подобное своеобразное ограничение принципа «равной демократии» на территории России в зависимости от статуса субъекта Федерации недопустимо.

Наличие шести видов субъектов Российской Федерации может стать причиной других проблем. Например, автономная область не может поменять свой конституционно-правовой статус, потому как это станет невозможным в силу того, что автономная область как конституционно-правовая форма административно-территориальной единицы сохраняется в перечне субъектов Российской Федерации согласно ч. 1 ст. 5 Конституции.

Оптимальным вариантом, по нашему мнению, является использование вместо шести видов субъектов Российской Федерации одного общего названия, что, в свою очередь, сделает равноправными субъекты Федерации. В юридической литературе обоснованно высказывалось предложение о целесообразности введения единого наименования для всех субъектов Федерации, например, такого, как губерния [3, с. 17].

2. Конституционные поправки и пересмотр Конституции. Как показала практика, порядок пересмотра и внесения поправок в Конституцию также содержал неясности и изъяны, которые были успешно устранены Конституционным Судом РФ [6, 7].

Однако в ст. 134 Конституции перечисляются субъекты права конституционной законодательной инициативы, среди которых не упоминается народ как единственный источник власти. Известно, что в зарубежных конституциях в числе субъектов, обладающих правом инициативы внесения изменений в конституцию, называется и определенное число избирателей. В частности, правом внесения законопроекта об общем или частичном пересмотре Конституции Грузии 1995 года имеют не менее 200 тысяч избирателей (п. «в» ч. 1 ст. 102). Правом внести

предложения относительно изменения или дополнения Конституции Литовской Республики 1992 года имеет не менее 300 тысяч избирателей (ст. 147). Изменения в положениях разделов 3—8 Конституции Кыргызстана 2010 года могут приниматься по инициативе не менее 300 тысяч избирателей (ч. 2 ст. 114).

Полагаем, не лишним будет предусмотреть подобные положения в Конституции РФ. Если мы говорим о демократичности нашего государства, гордимся тем, что Конституция принята на всенародном референдуме, то почему тогда единственный источник власти не наделяется правом вносить непосредственно предложения о поправках к Конституции, которую сам же и принял. Определить численность группы избирателей, которые будут обладать подобным правом, не так уж сложно. В частности, можно исходить из аналогии с Федеральным конституционным законом от 28.06.2004 № 5-ФКЗ «О референдуме в Российской Федерации» и определить численность такой группы — не менее 2 миллионов избирателей.

3. Принятие законов, предусмотренных Конституцией. Анализ положений Конституции дает основание говорить о том, что при определении вектора развития законодательства возникают некоторые трудности, связанные с затянутостью правовой регламентации тех или иных вопросов. Причиной тому служит отсутствие в самой Конституции нормы, обязывающей федерального законодателя в определенный срок принять предусмотренные Конституцией федеральные и федеральные конституционные законы. Так, до сих пор не принят федеральный конституционный закон «О Конституционном Собрании». Федеральный закон, регламентирующий процедуру обращения граждан в органы государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации, был принят лишь в 2006 г. [9] (на 13-м году действия Конституции). Закон, регламентирующий порядок проведения публичных мероприятий, был принят по истечении 11 лет со дня вступления в силу Конституции [10]. Федеральные конституционные законы, устанавливающие государственную символику, приняты в декабре 2000 г. [11, 12, 13]. Следовательно, страна в течение семи (!) лет жила без государственной символики, которая не была должным образом установлена. И подобный перечень законов можно продолжать.

4. Наименования «Российская Федерация» и «Россия» равнозначны. В свете событий 90-х гг. XX в. и принятия пятой российской конституции в 1993 г. произошли не только политико-правовые изменения в государственном строительстве, но Россия как государство

получила дополнительное наименование — Российская Федерация. На наш взгляд, это не только не совсем удачное наименование, но и излишнее. Попробуем объяснить свою позицию. Во-первых, в название выносятся один из элементов формы государства — федерация. Это означает, что Россия может быть только федеративным государством.

Известно, что государство находится в постоянном процессе развития и совершенствования. Соответственно, происходит трансформация (преобразование и совершенствование) не только его содержания, но и формы. По верному замечанию Д.А. Керимова, «преобразование сущности и изменение содержания его деятельности (государства. — Д.А.) обычно влекут за собой соответствующие изменения в его форме» [4, с. 588].

Как известно, ни одно из федеративных государств не выносит в название наименование формы государственно-территориального устройства в качестве существительного. Убеждены, что вряд ли можно встретить подобные наименования государства, как Немецкая Федерация, Американская Федерация, Бельгийская Федерация, Бразильская Федерация, Австралийская Федерация и т.д.

В отечественном государственном праве почему-то так сложилось, что наименование государства дается в зависимости от формы правления или формы государственно-территориального устройства. После революции страна стала именоваться «Советская Республика» (неофициальное наименование — «Страна Советов»). Сама же аббревиатура «РСФСР» придает слову «Россия» значение прилагательного, а государство именуется как «Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика». В настоящее время ситуация сохраняется, только вместо формы правления используется форма государственного устройства — федерация.

Не вызывает никаких сомнений, что наше государство является Россией, да и для иностранных государств мы всегда были и остаемся Россией, будь то царская Россия или большевистская, советская Россия. Однако почему-то мы во главу угла ставим значение элементов формы государства. Еще один пример: Западная Германия именовалась «ФРГ — Федеративная Республика Германия» (выделено нами. — Д.А.), а Восточная Германия — «ГДР — Германская демократическая республика». На наш взгляд, разница существенна и очевидна. Известно, что объединенная Германия предпочла именоваться ФРГ, а не ГДР.

Таким образом, использованное Конституцией наименование «Российская Федерация», видимо, было выбрано для того, чтобы под-

черкнуть федеративный характер Российского государства, показать, что Россия перешла от декларативного советского федерализма к действительной федерации, принципы которой установлены в Конституции и не позволяют сомневаться в федеративной природе России. Соответственно, если мы будем переходить к иной форме государственно-территориального устройства, то в первую очередь необходимо будет принимать новую Конституцию, так как поправками в нее обойтись не удастся.

5. Принцип разделения властей. Одним из важных содержательных положений Конституции, определяющих организацию всей системы государственной власти в России, является принцип разделения властей. При закреплении этого важного принципа в конституциях различных стран указываются те или иные его характерные черты. Например, ч. 4 ст. 3 Конституции Республики Казахстан 1995 года устанавливает, что государственная власть едина, осуществляется на основе Конституции и законов в соответствии с принципом ее разделения на законодательную, исполнительную и судебную ветви и взаимодействия их между собой с использованием систем сдержек и противовесов. Согласно ст. 5 Конституции Армении 1995 года государственная власть в Республике осуществляется в соответствии с Конституцией и законами — на основе разделения и баланса законодательной, исполнительной и судебной властей. Государственные органы, органы местного самоуправления и должностные лица правомочны совершать только такие действия, на которые они уполномочены Конституцией или законами. Статья 4 Конституции Эстонии 1992 года указывает на то, что деятельность парламента, президента, правительства и судов республики осуществляется по принципу разделения и сбалансированности властей.

Несмотря на кажущуюся схожесть вышеприведенных конституционных положений, обращает на себя внимание то, что формулировки, закрепляющие принцип разделения властей, более развернуты и конкретны, чем аналогичные положения Конституции РФ. Подчеркивается не просто самостоятельность органов законодательной, исполнительной и судебной власти, а именно их взаимодействие в «соответствии с Конституцией и законами», в основу которого положена «система сдержек и противовесов». В Конституции РФ не содержится указания на взаимодействие и независимость органов государственной власти, принадлежащих к различным ее ветвям. Отсутствие действенных (реальных) контрольных полномочий одной ветви власти по отношению к двум другим не позволяет говорить о

какой бы то ни было системе сдержек и противовесов.

По нашему мнению, подобные и иные уточнения, которые не просто демонстрируют quintэссенцию разделения властей, а подчеркивают его особенности как функционального принципа организации государственной власти, необходимы в конституционном тексте во избежание превращения этого принципа в ничем не подкрепленную конституционную вывеску.

Известно, что положения Конституции породили продолжающуюся дискуссию о месте Президента в системе государственной власти. В соответствии с ч. 1 ст. 11 Конституции государственную власть в Российской Федерации осуществляют Президент, Федеральное Собрание (Совет Федерации и Государственная Дума), Правительство, суды. Сопоставляя данную норму с положением ст. 10 Конституции, многие исследователи, по нашему мнению, ошибочно приходят к выводу, что в классическую триаду разделения властей не входит Президент, что и обуславливает его особое правовое положение. В частности, Н.М. Добрынин считает, что «Президент не включается непосредственно ни в одну из трех ветвей власти: ни в законодательную, ни в исполнительную, ни в судебную. Это является предпосылкой выполнения возложенной на Президента задачи обеспечивать согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти России» [1, с. 112]. Г.Н. Чеботарев утверждает, что фактическое положение и роль Президента в системе разделения властей, его исключительные полномочия по координации деятельности всех ветвей государственной власти позволяют говорить о реальном существовании в стране президентской власти как самостоятельной ветви власти [15, с. 18]. В.Е. Чиркин утверждает, что по точному смыслу Конституции Президенту не принадлежит исполнительная власть, на практике же именно он возглавляет всю систему исполнительной власти [16, с. 29].

Мы считаем, что Президент де-факто возглавляет систему исполнительной власти, руководит ею или оказывает существенное влияние на ее формирование и организационно-правовую деятельность. Об этом свидетельствуют и иные предусмотренные Конституцией и федеральным законодательством прерогативы Президента. В целом полномочия в сфере государственного управления между Президентом и палатами Федерального Собрания были распределены так, что глава государства обладает чуть ли не в два раза большим объемом полномочий, чем обе палаты парламента.

В свою очередь, Федеральное Собрание не обладает достаточными мерами правового воздействия (сдерживания) в отношении как Правительства, так и Президента. Получается, что законодательная власть в лице федерального парламента не может в рамках принципа разделения властей (а точнее — системы сдержек и противовесов) оказывать какое-либо влияние на исполнительную власть. Это проявляется, в частности, в отсутствии действительных (реальных) полномочий по контролю деятельности Правительства. Так, конституционную поправку (п. «в» ст. 103), в соответствии с которой Государственная Дума заслушивает ежегодные отчеты Правительства о результатах его деятельности, в том числе по вопросам, поставленным Государственной Думой, можно назвать «конституционной завесой», так как по существу она ничего не меняет. Ведь данное положение Конституции не содержит указания на то, какие меры могут быть приняты по результатам таких заслушиваний и каковы их последствия, а следовательно, его нельзя рассматривать как одно из контрольных полномочий нижней палаты Парламента.

В ходе анализа процедур назначения Председателя Правительства и его отставки возникает логичный вопрос: почему формальное согласие Государственной Думы необходимо лишь в случае назначения Председателя Правительства и не требуется в случае его отставки, которая принимается единоличным решением Президента? Более того, назначение остальных членов Правительства — это абсолютная прерогатива Президента. Таким образом, формирование Правительства так же, как и его отставка и отставка отдельных членов, включая Председателя Правительства, происходит без участия Государственной Думы.

Возможность выражения Государственной Думой вотума недоверия Правительству заранее обречена на провал, так как велика вероятность принятия Президентом решения о роспуске самой Думы. Следовательно, сложно представить, что Президент по инициативе депутатов отправит в отставку собственную «команду исполнителей», которая им же и была сформирована.

Можно констатировать, что в настоящее время российский вариант принципа разделения властей, провозглашенный в Конституции, не содержит систему взаимосдерживающих полномочий высших органов государственной власти, что в конечном итоге приводит к их дисбалансу и сосредоточению значительного объема власти в руках главы государства. Назрела необходимость в конкретизации и разграничении полномочий между законодательной и исполнительной властью,

основанных на реальной системе сдержек и противовесов.

Таким образом, конкретизация конституционно-правового положения Президента в системе высших органов государственной власти способствовала бы решению еще одной важной проблемы — определению вида российской формы правления.

6. Республиканская форма правления. Конституция определяет Российскую Федерацию как государство с республиканской формой правления, без указания на ее разновидность. Если же обратиться к опыту иностранных государств, то, как правило, в их конституциях указывается вид республиканской формы правления. В частности, в Конституции Казахстана говорится, что Республика Казахстан является унитарным государством с президентской формой правления. В Конституции Туркменистана 1992 года устанавливается, что государственное правление осуществляется в форме президентской республики. В Конституции Греции 1975 года провозглашается, что государственный строй Греции — парламентская республика. Аналогичное определение мы можем встретить в Основном законе Болгарии 1991 года.

Обобщающее определение формы правления в виде республики также встречается в конституциях ряда иностранных государств. Например, в Основном законе ФРГ 1949 года указывается, что Федеративная Республика Германия является демократическим и социальным федеративным государством. Конституция Польши 1997 года провозглашает Республику как демократическое правовое государство, осуществляющее принципы социальной справедливости. Следует отметить, что в конституциях иных государств употребляется такая характеристика формы государственного устройства, как демократическая республика (Латвия, Словения, Эстония и др.).

Анализ норм Конституции РФ не позволяет со всей очевидностью определить, к какому виду республики следует относить форму правления в России. В связи с этим в правовой науке высказываются различные мнения относительно отечественной формы правления. Связанная с этим неопределенность, содержащаяся в Конституции, была результатом компромиссов ее разработчиков, которые заимствовали в большей степени признаки президентской, нежели парламентской республики. Желание взять самое лучшее от разных видов республиканской формы правления привело, как и следовало ожидать, к ее своеобразной «нестандартности».

Думается, что республиканская форма правления, предусмотренная Конституцией,

является переходной. Она будет совершенствоваться в зависимости от политической конъюнктуры, при этом те или иные изменения возможны без существенных корректировок конституционного текста. Определенная детализация некоторых размытых положений Конституции, касающихся правового статуса органов государственной власти и их взаимодействия между собой, позволит с достоверностью отнести нашу форму правления к той или иной разновидности. В связи с этим полагаем, что назрела необходимость конкретизировать республиканскую форму правления.

7. Порядок образования палат Федерального Собрания. Речь идет о способах формирования Совета Федерации и избрания депутатов Государственной Думы. Неопределенность способа образования Совета Федерации, содержащаяся в Конституции, привела на практике к применению уже пятого (!) способа формирования этой палаты парламента.

Высказываются предложения об избрании членов Совета Федерации путем прямых выборов на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Так, предлагалась следующая формулировка ч. 2 ст. 95 Конституции: «В Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации входят по два представителя от каждого субъекта Российской Федерации, избираемых на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании» [5, с. 22].

Полагаем, что корректировка процедуры образования Совета Федерации будет зависеть от его правовой природы, с которой еще предстоит определиться. Ведь ответ на вопрос, чьи интересы представляет Совет Федерации, является основополагающим для выбора того или иного способа его формирования.

Норма ч. 2 ст. 96 Конституции о том, что порядок выборов депутатов Государственной Думы устанавливается федеральным законом, в итоге стала причиной очередного поиска избирательной системы. Отказавшись от пропорциональной системы избрания депутатского корпуса, мы вновь возвращаемся к смешанной. По верному замечанию М.С. Саликова, «отсутствие опыта участия в политической жизни в условиях многопартийной системы, переход к чисто пропорциональной избирательной системе будет способствовать обезличиванию власти, еще большему отдалению ее от рядовых граждан» [8, с. 77].

Основы российского избирательного законодательства, установленные Конституцией, не всегда дают четкое представление о векторе его развития. Полагаем, что уже настало время, когда нужно определиться с избира-

тельной системой, которая будет положена в основу порядка выборов депутатов Государственной Думы. Немаловажно было бы также установить в Конституции принципы выборов депутатов Государственной Думы: в настоящее время в ней содержится только принцип избрания Президента (ч. 1 ст. 81).

Следует помнить, что в Конституции были определены новые принципы организации государственной власти в Российской Федерации, но не созданы условия для формирования избирательного законодательства. Поэтому законодательство о выборах находится в стадии становления, поиска оптимальных избирательных систем, применяемых на выборах органов публичной власти различных уровней.

Кажется, уже имеется достаточный отечественный опыт проведения выборов в органы публичной власти всех уровней, который может быть положен в основу формирования конституционного каркаса избирательного права — оплота будущей избирательной системы. Не стоит забывать также и о зарубежном эмпирическом избирательном материале, который может оказаться полезным для дальнейшего совершенствования избирательного законодательства России. Возможно, не лишним было бы иметь в Конституции отдельную главу, регламентирующую основы избирательного права, которая не позволяла бы законодателю варьировать процедуру избрания органов власти от выборов к выборам.

Заключение. Безусловно, перечень подобных юридических несогласованностей, относящихся к выделенным нами обеим группам необходимых изменений, можно было бы продолжить. В заключение следует сказать, что при разработке проекта новой Конституции необходимо проводить тщательную комплексную подготовку, привлекая к ней не только экономистов, социологов, политологов, но, безусловно, и юристов различного профиля — от практиков до ученых-правоведов. Показателен процесс подготовки Конституции Швейцарии 1999 года, который занял более 20 лет.

Отечественный двадцатилетний опыт применения Конституции в целом достаточен для того, чтобы привести некоторые конституционные положения в соответствие с юридико-техническими требованиями, а также скорректировать содержательную часть — сущностно-смысловую сторону Конституции, что позволит России двигаться в заданном ею направлении.

Список литературы

1. Добрынин Н.М. Основы конституционного (государственного) права Российской Федерации: 100 вопросов и ответов: практическое руководство: современная версия новейшей истории государства. — Новосибирск, 2009.
2. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 05.02.2014 № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» // Рос. газ. 2014. 7 февр.
3. Керимов А.Д. Форма государственного устройства Российской Федерации // Гражданин и право. 2001. № 12 (18).
4. Керимов Д.А. Проблемы общей теории права и государства: учеб. пособ., 2-е изд. — Тюмень, 2005.
5. Ныркова Т.Ю., Петрова Н.А. К вопросу об изменениях порядка формирования Совета Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 9.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.10.1995 № 12-П «По делу о толковании статьи 136 Конституции Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 45. Ст. 4408.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.11.1995 № 15-П «По делу о толковании части 2 статьи 137 Конституции Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 49. Ст. 4868.
8. Саликов М.С. Централизм и демократия: проблемы поиска баланса // Централизм, демократия, децентрализация в современном государстве: конституционно-правовые вопросы: материалы международной научной конференции. Москва, 7—9 апреля 2005 г. / под ред. С.А. Авакьяна. — М., 2006.
9. Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 19. Ст. 2060.
10. Федеральный закон от 19.06.2004 № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 25. Ст. 2485.
11. Федеральный конституционный закон от 25.12.2000 № 1 «О Государственном флаге Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 52 (Часть I). Ст. 5020.
12. Федеральный конституционный закон от 25.12.2000 № 2 «О Государственном гербе Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 52 (Часть I). Ст. 5021.
13. Федеральный конституционный закон от 25.12.2000 № 3 «О Государственном гимне Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 52 (Часть I). Ст. 5022.
14. Чеботарев Г.Н. Правовой статус «сложноустроенного» субъекта Российской Федерации — Тюменской области // Тюменский регион: управление и самоуправление: сб. науч. ст. / сост. В.И. Ульянов. — Тюмень, 1995.
15. Чеботарев Г.Н. Разделение властей в Российской Федерации — важнейший конституционный принцип функционирования правового демократического государства // Вестник Тюменского государственного университета. 2013. № 3.
16. Чиркин В.Е. Конституционное право: Россия и зарубежный опыт. — М., 1998.

Legal Quality of the Constitution of the Russian Federation Revisited

Dmitry A. Avdeev,

Cand. in Law, Assoc. Prof. of Dept. of Constitutional and Municipal Law
in Institute of State and Law of the Tyumen State University
Russia, Tyumen
ronner@mail.ru

Legal quality of Constitution of the Russian Federation is examined, its provisions are analysed from position of legal technique. The features of fixing of some formulations and constructions are investigated, some inaccuracies of substantial and technical character in its norms are discovered. Experience and practice of application of Constitution of the Russian Federation are summarized from its acceptance till nowadays. Russian state is considered as legal, democratic, federal with a republican form of government. Distinctions of principle of separation of powers consolidation and development of democracy and federalism in Russia are investigated, on the basis of what conclusions are drawn and suggestions are formulated.

Keywords: Constitution, principle of separation of powers, republic, state power, form of government, democracy, federal structure.

References

1. Dobrynin N.M. Osnovy konstitucionnogo (gosudarstvennogo) prava Rossiyskoy Federacii: 100 voprosov i otvetov: prakticheskoe rukovodstvo: sovremennaya versiya noveishey istorii gosudarstva. — Novosibirsk, 2009.
2. Zakon Rossiyskoy Federacii o popravke k Konstitucii Rossiyskoy Federacii ot 05.02.2014 № 2-FKZ «O Verhovnom Sude Rossiyskoy Federacii i prokurature Rossiyskoy Federacii» // Ros .gaz. 2014. 7 fevr.
3. Kerimov A.D. Forma gosudarstvennogo ustroistva Rossiyskoy Federacii // Grazhdanin i pravo. 2001. № 12 (18).
4. Kerimov D.A. Problemy obschey teorii prava i gosudarstva: ucheb. posob., 2-e izd. — Tyumen', 2005.
5. Nyrkova T.Yu., Petrova N.A. K voprosu ob izmeneniyah poryadka formirovaniya Soveta Federacii // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2009. № 9.
6. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 31.10.1995 № 12-P «Po delu o tolkovanii statyi 136 Konstitucii Rossiyskoy Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federacii. 1995. № 45. St. 4408.
7. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 28.11.1995 № 15-P «Po delu o tolkovanii chasti 2 statyi 137 Konstitucii Rossiyskoy Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federacii. 1995. № 49. St. 4868.
8. Salikov M.S. Centralizm i demokratiya: problema poiska balansa // Centralizm, demokratiya, decentralizaciya v sovremennom gosudarstve: konstitucionno-pravovye voprosy: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferencii. Moskva, 7—9 aprelya 2005 g. / pod red. S.A. Avakiana. — M., 2006.
9. Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federacii. 2006. № 19. St. 2060.
10. Federal'niy zakon ot 19.06.2004 № 54-FZ «O sobraniyah, mitingah, demonstraciyah, shestviyah i piketirovaniyah» // Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federacii. 2004. № 25. St. 2485.
11. Federal'niy konstitucionniy zakon ot 25.12.2000. № 1 «O Gosudarstvennom flage Rossiyskoy Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federacii. 2000. № 52 (Chast' I). St. 5020.
12. Federal'niy konstitucionniy zakon ot 25.12.2000 № 2 «O Gosudarstvennom gerbe Rossiyskoy Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federacii. 2000. № 52 (Chast' I). St. 5021.
13. Federal'niy konstitucionniy zakon ot 25.12.2000. № 3 «O Gosudarstvennom gimne Rossiyskoy Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federacii. 2000. № 52 (Chast' I). St. 5022.
14. Chebotarev G.N. Pravovoy status «slozhnoustroennogo» subjekta Rossiyskoy Federacii — Tyumenskoj oblasti // Tyumenskiy region: upravlenie i samoupravlenie: sb. nauch. st. / sost. V. I. Ulianov. — Tyumen', 1995.
15. Chebotarev G.N. Razdelenie vlastey v Rossiyskoy Federacii — vazhneishiy konstitucionniy princip funkcionirovaniya pravovogo demokraticheskogo gosudarstva // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 3.
16. Chirkin V.E. Konstitucionnoe pravo: Rossiya i zarubezhniy opyt. — M., 1998.